

2017 Том 10 No. 54

Гусельцева М.С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей

ГУСЕЛЬЦЕВА М.С. ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ

English version: [Guseltseva M.S. Identity in a transitive society: the transformation of values](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждаются проблемы трансформации ценностей поколений, социализирующихся в новой социокультурной реальности, и возможности их эффективного исследования. Ведущими характеристиками современного мира являются транзитивность, транспарентность, гетерогенность и гетерохронность, подвижность и проницаемость границ, противоречия глобализации, сочетание цивилизационного вектора становления транснациональной культуры и локального культурного разнообразия. Доказывается, что для выявления особенностей развития идентичности в современном мире необходимо учитывать сложную динамику и разнообразие поддерживающих ее социокультурных контекстов, а также ситуацию ценностной неоднородности, где консервативные и прогрессивные тренды, магистральные и маргинальные течения культуры весьма избирательно попадают в видимое поле анализа. Факторами методологического риска при интерпретации развития идентичности в транзитивном обществе становятся смещение (лабильность) и смешение (антиномичность) системы ценностей, а также тот факт, что более выраженные социокультурные движения, четкие тренды и доминирующие дискурсы затмевают в глазах наблюдателя латентные и неочевидные тенденции. Именно последнее становится сферой проблематизации эпистемологии латентности, где представление о неоднородности современности, латентных течениях культуры и смешанных трендах позволяют избежать ошибок одномерных и линейных экстраполяций при изучении трансформации ценностей. Методология латентных изменений сфокусирована на скрытых процессах, происходящих как в глубинах культуры, так и в разнообразии ее локальных слоев, а также на расхождении деклараций и повседневных культурных практик, аналитических ожиданий и вторгающейся реальности. Утверждается, что в результате происходящей в условиях глобализирующегося мира смены поколений движение от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения» является хотя и не линейным, но сильным и устойчивым трендом, а становление транснациональной культуры служит поддержкой постматериалистических ценностей и гармоничного развития идентичности в современном мире.

Ключевые слова: методология, транзитивное общество, трансформация ценностей, идентичность, латентные тенденции, постматериалистические ценности

Особенностями современности являются транзитивность социальной реальности [Марцинковская, Турушева, 2017], ее гетерогенность и гетерохронность: ускорение ритмов жизни; слоистость времени; проявляющаяся в разнообразии жизненных стилей ценностная неоднородность; проницаемость как пространственных, так и дисциплинарных границ. В этой ситуации психологическая наука, обращающаяся к изучению идентичности человека, вынуждена принимать во внимание текущие, изменяющиеся социокультурные контексты его жизни, вступая в коммуникации и концептуальный

обмен со смежными областями знания.

Одной из ведущих характеристик социокультурного контекста, определяющего трансформацию ценностей в современном мире, является *антиномия глобализации и культурного разнообразия* (содержащая внутри себя сложную динамику универсального и уникального, культуры и индивидуальности). Согласно российскому философу культуры В.М.Межуеву, планетарная идентичность в наши дни обретает «вполне зримые очертания», и человек, желающий достигнуть в своей жизни успеха, вынужден «изучать языки, осваивать понятия и нормы, общие для всего мирового сообщества, быть ... на уровне мировых достижений в разных областях деятельности» [Межуев, 2009]. Мировая глобализация, начинавшаяся с возникновения транснациональной экономики, содержит более глубокий и недостаточно отрефлексированный тренд – становление универсальной цивилизации, *транснациональной культуры*. «Любая изоляция от новой реальности, попытка отгородиться от нее чревата личным и общественным поражением. Рождающаяся универсальная цивилизация диктует индивиду новые правила жизни и поведения, ставит перед ним задачу и универсализации им своего сознания, своего способа общения с другими людьми» [Там же]. Наряду с этим именно *культура* выступает основой устойчивого развития идентичности человека в транзитивном обществе и предпосылкой его позитивной индивидуализации.

Особенности позитивной индивидуализации раскрывает концептуальная модель становления идентичности в современном мире, согласно которой, чем глубже человек осваивает универсальные ценности, тем более он обретает собственное творческое своеобразие. В свою очередь, чем ярче индивидуальность человека, тем успешнее он социализирован в современности, если понимать здесь под социализированностью не социальную адаптацию и конформизм, а активное и гармоничное вхождение в социокультурную среду с имеющимся багажом своеобразия, выстраивание такого стиля жизни, который отвечает склонностям и раскрывает таланты [Гусельцева, Изотова, 2016].

Таким образом, *изменившийся ландшафт современности создает новые идеалы культурного развития человека*, где на передний план выходят проблемы качества жизни, коммуникативной компетентности, информационной социализации, сетевой грамотности, самовыражения [Инглхарт, Вельцель, 2011; Йоас, 2013; McPherson, 2008], а психологическая наука вынуждена учитывать перспективу текущих, локальных и глобальных социокультурных трансформаций, а также ведущие общенаучные концептуализации: «информационная эпоха», «множественные модерности», «текущая современность», «метамодернизм» и т.п. [Современные тенденции..., 2014; Rudrum, Stavris, 2015]. В этой изменившейся реальности также возрастает роль смешанных и трансдисциплинарных исследовательских стратегий, делающих видение реальности более тонким, многомерным и точным.

Для проблематизации представлений о неоднородности и транзитивности современности обратим внимание на следующий факт. В свое время в диссертации О.А.Тихомандрицкой было показано, что для российских старшеклассников конца XX в. наиболее значимыми являются общечеловеческие и экзистенциальные ценности (свобода, здоровье, любовь, успех), а наименее значимыми – ценности власти, послушания, религиозности, традиции. «В качестве основных жизненных ориентиров старшеклассники в большей степени выбирают ценности "изменения" и "индивидуалистические" ценности» [Тихомандрицкая, 2000, с. 18–19]. Опора на эти данные позволяла экстраполировать в российском обществе цивилизационный (транснациональный) тренд: *от ценностей сохранения к ценностям самовыражения*, отмеченный также другими исследованиями (см.: [Зубова, 2010]). Однако дальнейшее развитие этого тренда не подтверждается ни на основании анализа культурных карт WVS, ни исходя из изучения социологами социокультурной динамики первых десятилетий XXI в. Напротив, в общественных дискуссиях и научных конференциях широко обсуждаются проблемы архаизации и ремодернизации российского общества [Банников, 2013; Время – назад..., 2017; Время реакции..., 2017].

Подобного рода противоречия и нестыковки являются довольно информативными для исследователя. Обозначенная ситуация порождает следующие вопросы: что произошло с прогрессивным цивилизационным вектором развития? Являлся ли выбор старшеклассниками ценностей изменения и самовыражения значимой для экстраполяции тенденцией? Действительно ли в российском обществе произошла смена ценностных предпочтений: от общечеловеческих ценностей и выбора транснациональной интеграции к изоляционизму и национализму? Что является источником устойчивости и реставрации консервативного тренда в российском обществе? Таким образом, мы

наталкиваемся на коллизию: либо исследования, показавшие динамику ценностей изменения и самовыражения, поймали поверхностные пласты декларируемых ценностей, которые были распространены в общественном дискурсе на тот момент времени; либо текущая архаизация общества не является однозначным трендом. В пользу второго предположения свидетельствуют выкладки политолога Е.М.Шульман, показывающие, что российская архаизация, во-первых, отчасти имитационна, во-вторых, отражает радикальную позицию консервативного меньшинства, непропорционально завладевшего полем общественного дискурса, а не реальные ценностные выборы более прогрессивного, чем управленческая элита, но затаенно молчащего большинства [Шульман, 2015]. Наконец, дополнительного изучения требуют периодические всплески спонтанной активности общества (декабрь 2011, март 2017), в глубинах которого идут не осмысленные психологической наукой процессы трансформации ценностей.

Наша интерпретация обозначенных выше противоречий базируется на представлении о гетерогенности социокультурной динамики, где наблюдаемые и преувеличенные доминирующими дискурсами тренды сосуществуют с менее заметными, локальными и латентными тенденциями, что в целом создает неочевидное разнообразие и характерную для транзитивного общества неоднородность, лабильность ценностной системы. Проблема же заключается в отсутствии инструментария, позволяющего зафиксировать неявные трансформации, а потому «текущая современность» чревата разного рода неожиданностями.

Для повышения прогностической точности изучение трансформации ценностей с позиции психологии необходимо соотносить со сходными штудиями социогуманитарных наук, – в частности, базами данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey), – с тем чтобы обнаруженные зазоры между уровнями макро- и микроанализа, социологической и психологической перспективами, способствовали выявлению «слабых» (weak signals) и неочевидных тенденций.

Глобальные тренды, отраженные в культурных картах WVS

Базы данных Всемирного исследования ценностей (WVS) находятся в открытом доступе и активно используются в социогуманитарных науках (см.: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>). Напомним, что WVS как социологический проект стартовало в 1980-е гг. (в России – с 1989 г.) и представляет наиболее полный источник эмпирических данных о мировоззрении и ценностных ориентациях людей, собранных практически со всей планеты. С 1990 г. руководителем проекта WVS является Р.Инглхарт (создатель теории постматериализма, убежденный, что изменение ценностей от поколения к поколению требует новых подходов [Inglehart, 1977]).

На сегодняшний день проведено шесть волн исследований ценностей (седьмая волна стартовала в 2017 г.). Трансформации ценностей с 1981 по 2015 гг. отражены в серии культурных карт (см., например: Live cultural map over time 1981 to 2015, <https://www.youtube.com/watch?v=ABWYOcrU7js>; Cultural map – WVS wave 6 (2010–2014), http://www.worldvaluessurvey.org/images/Culture_Map_2017_conclusive.png), которые демонстрируют обобщенное распределение выбора ценностей среди разных стран мира.

Ось ординат – вертикальный вектор на такой карте – показывает переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным. *Традиционные ценности* здесь отражают значимость религии, почтение к власти и авторитету, высокую роль в социализации семьи, жесткие общественные стандарты, социальный конформизм и т.п. Люди, выбирающие эти ценности, склонны негативно относиться к разводам, абортам и эвтаназии. В таких обществах отмечается высокий уровень национальной гордости и распространено националистическое мировоззрение. На противоположном полюсе расположены *секулярно-рациональные ценности*. Поддерживающие их люди придают меньше значения религии, традиционным семейным ценностям и авторитету. Они ориентированы на достижение успеха, рациональное поведение, предпочитают светское государство, склонны к толерантности, социализируются в духе научной и правовой рациональности [Findings, Insights, 2015].

Ось абсцисс – горизонтальный вектор – показывает движение от ценностей выживания к ценностям развития (самовыражения). *Ценности выживания* сосредоточены на экономической и физической

безопасности. В таких обществах отмечаются низкий уровень социального доверия, готовность принимать авторитаризм, ксенофобия, нетерпимость к инакомыслию, вера во всемогущество науки и техники. Для людей, разделяющих *ценности самовыражения*, высокую значимость имеют идеи личности, свободы, прав человека, они отдают приоритеты охране окружающей среды и гендерному равенству, терпимы к инакомыслящим, гомосексуалистам и лесбиянкам, социально активны и требовательны к участию в принятии решений в экономической и политической жизни [Инглхарт, Вельцель, 2011].

Эмпирические исследования ценностей, происходящие каждые пять лет, демонстрируют, что страны Азии и Африки и посткоммунистические восточноевропейские страны выбирают ценности выживания, тогда как западноевропейские и англоязычные страны – ценности самовыражения. Помимо этого, выявлена устойчивая корреляция между ценностями самовыражения и уровнем благосостояния общества [Там же].

Специфика России в WVS проявляется в том, что относительно ценностей безопасности российское общество консервативно, тогда как в предпочтении светских ценностей (а также значимости науки) оно обгоняет США, Ирландию, Индию и практически все страны Латинской Америки, которые поддерживают традиционные ценности. В анализе этой ситуации также важно обратить внимание на характерный для российского общества *разрыв между риторикой и практикой* (например, на 80% риторической поддержки православных ценностей приходится лишь 5% соответствующей культурной практики). Таким образом, с одной стороны, Россия демонстрирует близость к полюсу *выживания* (как конфуцианские и исламистские страны), с другой – она весьма рационалистична (подобно Германии, Норвегии, Дании). К этому парадоксу в своих оптимистических прогнозах общественного развития постоянно привлекает внимание Е.М.Шульман [Шульман, 2015].

Из обозначенного парадокса следует, что Россия – ментально более современная страна, нежели о ней принято думать. В ней существует сильный и устойчивый *запрос на современность*, особенно среди молодежи [Архангельский, 2017]. Однако во многом это латентный запрос: он неотрефлексирован, хотя и находит отражение в повседневных практиках. Таким образом, как современники мы наблюдаем регрессивный тренд, тогда как исследователи должны понимать, что имеем дело с осцилляциями долгосрочного прогрессивного тренда. Более наглядно противоречивая динамика глобальных и локальных трендов представлена в историческом анализе, нежели в современности, поскольку там в поле видимости исследователя оказывается общая картина. Так, например, изучая генезис ценностей, Х.Йоас показывает, что стартовавший в Европе в XVIII в. процесс секуляризации не был прогрессивно линейным трендом, а имел три волны, после каждой из которых происходило обратное движение. Эти волны являлись транснациональным европейским феноменом, осуществившимся в относительно короткие по меркам исторического времени периоды (первая волна 1791–1799 гг. и третья волна 1968–1975 гг.) [Йоас, 2013]. Точно так же в перспективе открывающихся десятилетий авторитарные страны, где молодежь выбирает ценности самовыражения, имеют высокие шансы продвинуться в сторону демократии, и здесь прогнозы Е.М.Шульман [Шульман, 2015] совпадают с выводами исследования Р.Инглхарта [Инглхарт, Вельцель, 2011], а также с теоретическими выкладками Д.Е.Фурмана [Фурман, 2010]).

Исследования Р.Инглхарта выявили во всех современных постиндустриальных обществах «культурный сдвиг», свершившийся с приходом на историческую сцену новых поколений, которые социализировались в условиях стабильных и благополучных режимов, а именно: движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения [Инглхарт, 2002]. В научный оборот также вошел конструкт *постматериалистические ценности* – ценности доверия, терпимости, творческой самореализации, гуманизма и солидарности. Эти ценности присущи развитым постиндустриальным обществам. «Эмпирические социологические исследования не оставляют сомнений в том, что за последние десятилетия в высокоразвитых западных странах получили широкое распространение "постматериалистические" ценности» [Йоас, 2013, с. 10–11].

Трансформация ценностей не только диагностируется социологическими исследованиями, но и подтверждается данными социогуманитарных наук. Так, Ж.Липовецки показывает, что при переходе от индустриального к информационному типу культуры изменяется внутренняя картина успешности: на смену материальным ценностям обладания вещами приходит ценность *качества жизни*. Он также обнаруживает тенденцию вытеснения *философии гедонизма* (искусства наслаждения жизнью)

философией развития (личностного роста, профессионального совершенствования посредством поиска и усвоения новой информации) [Липовецки, 2001]. Согласно П.Друкеру, экономическая мотивация, свойственная человеку индустриальной эпохи, сменяется в современности постматериалистической и постэкономической мотивацией [Drucker, 1995].

Помимо триангуляция данных, то есть подтверждения количественных исследований качественными, повышению надежности выводов способствует сопоставление психологических аналитических стратегий с социологическими, историческими, антропологическими и т.п. «Мы соприкасаемся с тем, что вот-вот может обрести статус традиции, но с равным успехом и исчезнуть, оставив лишь легкий (иногда досадный) след в памяти очевидца. Мы смотрим как бы в калейдоскоп, в котором узоры вечно меняются, но при должном терпении и внимании можно уловить определенную связь между их, казалось, независимыми и замысловатыми последовательностями» [Современные тенденции..., 2014, с. 13]. Эти зарождающиеся тенденции посредством анализа «невидимых» (то есть не попадающих в исследовательскую оптику) феноменов культуры позволяет нам проследивать *методология латентных изменений*, в фокусе которой оказываются, казалось бы, незначительные, но весьма информативные для вдумчивого ума детали повседневной жизни. Так, американская исследовательница А.Баркер, обсуждая книгу С.Бойм «Commonplaces: Mythologies of Everyday Life in Russia», отмечает, что если бы исследователи уделяли больше внимание «повседневным реалиям советской жизни» и изучению неформальных пластов культуры, то имели бы возможность заметить «те небольшие трещинки, которые стали предвестниками крушения советского общества» [Там же. С. 15].

Методология латентных изменений

С вопросами о том, как изучать скрытое, неочевидное, неустойчивое и лабильное, психологическая наука столкнулась, начиная с той поры, когда в ее контексте стали осмысливаться непоследовательность человеческого поведения и неосознаваемые психические феномены. Заслуга З.Фрейда состояла в том, что одним из первых он показал значимость не только очевидного психического содержания, но и того, что скрыто за психикой (а это наряду с влечениями человека, прошлым опытом и иррациональными свойствами его природы, также – что менее очевидно – трансформации социокультурного контекста). Чем больше психология признавала роль культуры в развитии человека, тем информативнее становился анализ ее текущих изменений. При изучении идентичности в транзитивном обществе поле психологического анализа необходимо включает как психические феномены разной степени осознанности, так и латентные интеллектуальные и социокультурные движения.

Тем не менее наиболее значимые тенденции нередко оказываются за фокусом исследовательского внимания. *Эпистемология латентности* – трансдисциплинарное пространство знания, охватывающее социологию неочевидного, психологию бессознательных явлений, латентные движения в истории культуры, феноменологию невидимых реальностей в антропологии, «ошибки» и «аномалии» в методологии и истории науки – стремится изучать игнорируемые и скрытые тенденции. Она фокусирует, что как в повседневных коммуникациях, так и в анализе перспектив развития науки важны не столько ведущие дискурсы, сколько лакуны, то есть то, о чем умалчивается. Сферой ее анализа являются также проблемы методологической оптики, интерпретации реальности в перспективе ограничивающих парадигм, недостаточности терминологии и аналитического инструментария [Гусельцева, 2016].

Если эпистемология латентности обращена в сторону философского и теоретического осмысления возможностей изучения трансформаций, неочевидного опыта, скрытых процессов и тенденций в современном мире, то *методология латентных изменений* имеет более прикладную направленность. Это обобщающее название для широкого диапазона аналитических стратегий – от классического психоанализа до новых поворотов в сфере социогуманитарного знания (см.: [Современные методологические стратегии..., 2014; Современные тенденции..., 2014; Rudrum, Stavris, 2015]). Методология латентных изменений разрабатывается нами в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода, интегрируя представления об «уликовой парадигме» (К.Гинзбург), «проблематизации» (М.Фуко), «латенциях» (Э.Блох) [Гусельцева, 2016].

К методологическим трудностям изучения неочевидных феноменов и латентных изменений обращено также открытие «спирали молчания» [Нозль-Нойман, 1996], суть которого в том, что если в социологических опросах респондент ориентируется на мнение большинства, на уже проартикулированные и социально желательные представления, то анализ его ответов малоинформативен относительно того, что он действительно думает, и, главное, не позволяет прогнозировать реальные поступки.

Одним из проявлений этого феномена является уже упомянутое расхождение риторики и повседневной практики, чему немало примеров в отечественной реальности, где люди говорят одно, думают другое, а делают третье. В психологии каждому из этих трех модусов соответствует представление о декларируемых, реальных и неосознаваемых ценностях. Общий же рисунок поведения складывается в результате их стихийной интеграции, где в расчет принимаются также *множественные ситуативные контексты*. В этой связи Д.Б.Дондурей обратил внимание на когнитивную сложность социализации российских детей как предпосылку национального характера: «Российская культура сразу ребенку объясняет между тремя и шестью годами, что он должен отличать тот факт, что говорить можно одно, думать другое, подразумевать третье, и наряду с этим третьим еще есть двадцать контекстов, которые он может иметь в виду...» (см.: http://www.medved-magazine.ru/articles/Predvaritelnoe_zakluchenie_Daniil_Dondurey.2422.html).

Подмеченную особенность Д.Б.Дондурей передал словом «ум» за неимением готового конструкта. Также ее можно назвать адаптивностью, пластичностью, но обозначение не будет точным. Суть данного феномена – в повышенной чувствительности россиян к контекстам, своего рода *контекстуальная сложность*. Если посмотреть на это качество через оптику принципа антиномий (то есть удерживая в конструктивном напряжении полярные позиции), то в своем негативном проявлении такая особенность обуславливает «гибкий позвоночник», угодливость, «самоцензуру», угадывание невысказанных пожеланий начальства, ожидание «знаков» и значимость символов, готовность интерпретировать идущие «сверху» сигналы и т.п., тогда как в позитивных проявлениях становится предпосылкой креативности, мобильности и характеризует ту потенциальную затаенность, лакунность, которая выступает источником готовности к модернизации, к самоорганизации и новаторству. Это качество нашло отражение в поговорке о русских, которые «долго запрягают, но быстро ездят», и неоднократно отмечалось исследователями российской культуры. «Опыт постсоветского существования показывает, что российское общество необыкновенно креативно и адаптивно отвечает на вызовы модернизации; в тяжелейших условиях развала экономики и государственности в начале 90-х гг. оно сумело самоорганизоваться и не просто выжить, но и заложить основы нового социального устройства. Но как только государство встает с колен, оно сжимает общество в своих медвежьих объятиях, снова навязывая ему архаичную систему управления и социальных отношений» [Прохорова, 2014]. Наконец, именно это качество разъясняет отмеченную в начале статьи коллизию: исчезновение и неожиданное появление тех или иных трендов, когда прогрессистские и консервативные ценности, магистральные и маргинальные движения с удивительной легкостью сменяют друг друга в видимом поле анализа. В этой связи повышенного исследовательского внимания требуют латентные, происходящие как в глубинах, так и в разнообразии локальных культуральных слоев процессы, а также расхождения деклараций и культурных практик, аналитических ожиданий и вторгающейся реальности.

В опыте повседневной жизни мы постоянно имеем дело со смешанными трендами и недифференцированными уровнями ценностей: с одной стороны, *декларируемые*, которые прежде всего фиксируются в опросах и анкетах, с другой – *реальные*, выступающие предпосылками действий и поступков, которые, в свою очередь, могут быть как *отрефлексированными* в качестве личных позиций и убеждений человека, так и *неосознаваемыми*. Таким образом, ведущими факторами методологического риска при интерпретации проблем идентичности в транзитивном обществе становятся смещение (лабильность) и смешение (антиномичность) системы ценностей, а также тот факт, что более выраженные движения, четкие тренды и доминирующие дискурсы перекрывают и затмевают в глазах наблюдателя латентные и неоднозначные тенденции.

Опора на методологию латентных изменений позволяет обнаружить антиномичные тренды и смешанные культурно-психологические феномены (в том числе – ценностную неоднородность), выражающиеся в том, что с равной долей вероятности могут быть экстраполированы векторы развития полярных тенденций, а обобщения, работающие в одной области, неэффективны в другой.

Так, человек на риторическом уровне поддерживающий консервативные ценности в учреждениях, не готов практиковать их в собственном семейном кругу; напротив, лицо, развивающее в публичном пространстве либеральный дискурс, в повседневности реализует авторитарные практики. Наряду с этим весомую роль играют факторы *неочевидного разнообразия* в обществе (множественность и изменчивость социокультурных контекстов, высокая поведенческая дифференциация социальных, культурных, этнических и возрастных групп; ситуативные конфигурации смешанных слоев архаичной, индустриальной и информационной культуры). Так, например, подростки как в разных регионах, так и в близких возрастных когортах могут разительно отличаться друг от друга [Гусельцева, Изотова, 2016]. *Латентная сложность* выражается в том, что происходящее на уровне повседневности усложнение жизненных практик нередко обгоняет процессы их рефлексии. «Уже лет пятнадцать назад чисто внешне подростки России, особенно в крупных городах, перестали отличаться от западных сверстников. Однако внутренне они еще долго сохраняли российское своеобразие. Но в эпоху интернета, соцсетей, открытого культурного обмена с границей соответствующий менталитет быстро распространялся и в нашей стране, нравы смягчились» [Артемьев, 2017].

В диссертации Т.И.Шнуренко изучалась структура ценностей трех поколений [Шнуренко, 2009]. Младшее поколение продемонстрировало гедонистические устремления, семейные ценности, мотивацию на индивидуализацию, а также страх перед будущим и нежелание его прогнозировать. Среднее поколение отличала низкая социальная активность, ориентация на профессиональные и семейные ценности. При изучении же старшего поколения *не подтвердилась его приверженность традиционным ценностям*, был выявлен приоритет семейных ценностей. Как уже отмечалось, с позиций эпистемологии латентности, прогностическую значимость играют именно неподтвержденные гипотезы и нестыковки. Данное изучение ценностных ориентаций молодежи также показало, что *во всех социальных группах имело место расхождение между риторикой (провозглашаемыми нормами) и жизненной практикой (поведением)* [Шнуренко, 2009]. Значимыми ценностями россиян оказались приятное времяпровождение и материальное благополучие, тогда как социальная активность – малозначимая ценность [Шнуренко, 2009].

Из вышесказанного проистекает предостережение от поспешности выводов: когда социологи, историки и политологи сообщают о консерватизме россиян, их склонности к традиционализму в ущерб прогресса, мы снова должны обратить внимание *на разрыв риторики и культурных практик*. Например, обсуждая запрос на демократию, важно различать непопулярность этого термина в обществе и востребованность демократических практик в повседневности, в быту. Также следует отнестись более дифференцированно к тому, что понимать под демократией, поскольку демократия как справедливость отвечает чаяниям россиян гораздо больше, чем демократия как свобода (см.: [Поляков, 2010]).

Глобальный тренд универсальной цивилизации и локальные смешанные тренды

В эпохи трансформаций, как правило, наблюдаются размывание и повышенная лабильность ценностной системы. При этом *разнонаправленность тенденций в ситуации транзитивности является скорее нормой* в современном мире, где мы наблюдаем сложность и антиномичность трендов [1]. Наряду с глобализацией и изменениями здесь имеют место стабильность и консерватизм традиционных ценностей. Однако эволюционно устойчивые *общемировые тенденции*, так или иначе, характерны и для российской молодежи (особенно охваченной интернетом). Молодой человек ищет себя среди смешанных и переплетающихся слоев идентичности: планетарная (житель планеты Земля), цивилизационная (единое эволюционирующее человечество), национальная и гражданская (принадлежность к стране), социокультурная (самоопределение в локальном пространстве, в близких кругах культуры), социальная и профессиональная (самоопределение среди тех или иных социальных групп), этническая, персональная (личность, самость, индивидуальность). Следует отметить, что не все слои идентичности отрефлексированы субъектом, некоторые остаются для него латентными. С позиции развития цивилизационного (транснационального) тренда триада развития личности молодого человека включает социальную активность, возможности / доступность когнитивного развития, ценности самовыражения. В результате происходящей в условиях глобализирующегося

мира смены поколений транснациональные ценности все шире распространяются по планете, при этом та или иная идентичность как осознанный выбор является маркером смены парадигмы.

В этой связи обратимся к концепции морально-нравственного развития Л.Кольберга, которая была нами проинтерпретирована в рамках культурно-аналитического подхода [Гусельцева, 2015], помещена в общий контекст эволюции культуры и соотнесена с динамикой WVS (см. табл. 1).

Таблица 1

Интерпретация стадий морально-нравственного развития, по Л.Кольбергу, в контексте культурно-аналитического подхода.

<i>Уровни и стадии</i>	<i>Интернализация морально-нравственных принципов</i>	<i>Особенности и факторы социализация</i>
<i>Доконвенциональный уровень. Стадия 1</i>	Этика реактивного послушания: необходимость подчиняться требованиям во избежание наказаний	Практики внешнего контроля и наказаний («кнут»)
<i>Доконвенциональный уровень. Стадия 2</i>	Этика наивного (инструментального) гедонизма: необходимость подчиняться правилам ради личной выгоды и поощрений	Практики внешнего контроля и поощрений социально желательного поведения («пряник»)
<i>Конвенциональный уровень. Стадия 3</i>	Этика опоры на авторитеты: необходимость подчиняться правилам во избежание осуждения окружающих людей, ради социального одобрения и хороших межличностных отношений	Практики социального конформизма («власть авторитета»). Формирование «культуры стыда»
<i>Конвенциональный уровень. Стадия 4</i>	Этика следования предписаниям власти и законам: необходимость подчиняться правилам во избежание репрессий со стороны носителей власти и чувства вины за неблагоприятный поступок	Практики социального конформизма («авторитет власти»). Формирование «культуры вины»
<i>Постконвенциональный уровень. Стадия 5</i>	Этика инструментальных моральных принципов и убеждений: необходимость соблюдать законы ради достижения общего блага	Практики общественного договора, поддержки прав личности и демократически принимаемых законов
<i>Постконвенциональный уровень. Стадия 6</i>	Этика свободы совести: самоценность следования универсальным моральным принципам	Практики создания индивидуального стиля морально-нравственного поведения

Поместив модель аксиологической социализации Л.Кольберга в контекст глобального цивилизационного тренда (от жестких догм и консервативных ценностей – к личной автономии и творчеству ценностей в индивидуальном стиле жизни), мы видим, что в традиционных (архаичных) и тоталитарных обществах доминируют стадии доконвенционального и конвенционального морально-нравственного развития, что выражается во внешней регуляции социально желательного поведения посредством системы запретов, наказаний и поощрений (пресловутые «сакральность власти» и «культ начальника»). Векторы же цивилизационного развития простираются от приоритета государства к ценности личности. Транснациональный тренд – это движение от ценностей безопасности к ценностям развития; от ценностей выживания к ценностям самореализации; в том числе приоритет личности человека перед государством (*индивидуализация*); научная и правовая рациональность (*секуляризация*); гуманизм и толерантность, критическое мышление и ценности свободы, приватности и солидарности (*гуманизация и глобализация*).

В критике европоцентризма (во многом справедливой) важно с водой не выплеснуть ребенка,

поскольку именно в западном сообществе к концу XX в. возникла критическая масса субъектов постконвенционального уровня развития, то есть способных «действовать как автономные, свободные люди, руководствующиеся высшими ценностями – уважением к жизни человека и его достоинству» [Анцыферова, 2004, с. 269]. Здесь следует отметить, что «европейскость»^[2] – отнюдь не особое свойство жителей Европы, а «способность инициации определенных процедур смыслопорождения и жизненной организации», так или иначе распространяющаяся по всему миру, где «подлинными европейцами и ...хранителями европейской культуры» в наши становятся, например, Китай, Бразилия и Япония (поскольку «уже сегодня одними из лучших исполнителей европейской музыки являются японцы и китайцы, не говоря уж о японских достижениях в области науки и техники») [Павлов-Пинус, 2015, с. 147].

Локальные исследования ценностных предпочтений российской молодежи [30 фактов..., 2016] вписываются в цивилизационный тренд от ценностей выживания к ценностям самореализации. Парадоксальным образом российская молодежь, риторически упрекаемая за отсутствие ценностей, имплицитно вырабатывает ценностные позиции и высказывает высокий запрос на современность, социальную справедливость и нравственные нормы в обществе. Это довольно устойчивый тренд, который, на наш взгляд, продолжит набирать силу, несмотря на осцилляции (колебания – возвращение от модернизма к архаике, смешивание с консервативными трендами). Его устойчивость базируется на двух факторах: прогрессивном векторе цивилизационного развития (где так или иначе все остальные страны подтягиваются за мировыми лидерами, вступая в волны постиндустриальных модернизаций, в наши дни – информационной культуры); поколенческом факторе, где запрос на обновление реализуют накатывающие волны новых поколений.

Заключение

Несмотря на рисуемую СМИ ужасающую картину падения нравов, невежества и безграмотности подростков, в культуре имеет место устойчивый гуманистический тренд, отражающий запрос на человечность, ценности приватной сферы, семейных отношений, личной свободы (нерегламентированности), сензитивность к государственному насилию и т.п. [Архангельский, 2017; Шульман, 2015; Петрановская, 2016]. Трансформации ценностей чаще всего протекают незаметно для наблюдателя, тогда как произошедшие изменения (вершина айсберга) неожиданно проявляются в критических ситуациях. На пути изучения этих изменений лежат методологические трудности, связанные с тем, что феномены, представляющиеся структурно устойчивыми с позиции классической психологии, в современном мире антиномичны и лабильны, а доминирующие и глобальные тренды нередко подавляют возможность увидеть значимые для надежных прогнозов микроизменения. Здесь обнаруживается поле потенциальной сшибки формативного тренда, несущего доминирующие дискурсы о важности воспитания и государственной идеологии, с историческим цивилизационным вектором (конструктивизм, транзитивность, множественность социокультурных контекстов социализации и т.п.), что создает объективные предпосылки для прогнозирования каскадных молодежных протестов.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 17-06-00077 «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Литература

Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Кольберга и его школы). В кн.: Л.И. Анцыферова (Ред.), Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 260–285.

Артемьев М. Снова массовые протесты: смена поколений или бег на месте? Forbes, 2017. <http://www.forbes.ru/biznes/341663-snova-17-y-smena-pokoleniy-ili-beg-na-meste>

Архангельский А. Звонок прозвенел для учителя. Inliberty, 2017. <http://www.inliberty.ru/blog/2539->

Zvonok-prozvenel-dlya-uchitelya

Банников К. Архаический синдром. О современности вневременного. Отечественные записки, 2013, No. 1. <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/o1-2013/19611-arhaicheskiy-sindrom-o-sovremennosti-vnevremennogo.html>

Время реакции. Траектории исторического движения: материалы XIII Малых Банных чтений, 2017. <http://www.nlobooks.ru/node/8304>

Время – назад! Реинтерпретация прошлого и кризис воображения будущего: материалы XIII Больших Банных чтений, 2017. <http://www.nlobooks.ru/node/8128>

Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: ценности гуманизма. Образовательная политика, 2015, 4(70), 12–32.

Гусельцева М.С. Разработка проблемы бессознательного в подходе Э.Блоха. Мир психологии, 2016, No. 2, 137–149.

Гусельцева М.С., Изотова Е.И. Позитивная социализация детей и подростков: методология и эмпирика. М.: Смысл, 2016.

Зубова Л.В. Ценности трансформирующегося общества как фактор самореализации личности. Аксиология и инноватика образования, 2010, No. 1, 91–99. <http://www.orenport.ru/axiology/docs/8/11.pdf>

Инглхарт Р. [Inglehart R.] Культура и демократия. В кн.: Л. Харрисон, С. Хантингтон (Ред.), Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 106–128.

Инглхарт Р., Вельцель К. [Inglehart R., Welzel Ch.] Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Йоас Х. [Joas H.] Возникновение ценностей. СПб.: Алетейя, 2013.

Липовецки Ж. [Lipovetsky G.] Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. М.: Владимир Даль, 2001.

Мартин Р. [Martin R.] Мышление в стиле «И». Как мыслят успешные лидеры. М.: Юрайт, 2016.

Марцинковская Т.Д., Турушева Ю.Б. Нарратив как методология исследования личности в ситуации транзитивности. Психологические исследования, 2017, 10(52), 2. <http://psystudy.ru>

Межуев В.М. Уроки свободы еще не выучены. Знание – сила, 2009, No. 11, 43–51. <http://polit.ru/article/2009/12/25/mezhuev/>

Ноэль-Нойман Э. [Noelle-Neumann E.] Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996.

Павлов-Пинус К.А. Кросс-культурная жизнь философии и ее национальная самобытность. Философский журнал, 2015, 8(4), 135–149.

Петрановская Л.В. Тайная опора. Привязанность в жизни ребенка. М.: АСТ, 2016.

Поляков Л.В. Демократия: перезагрузка смыслов. М.: Праксис, 2010.

Прохорова И.Д. Светское общество и традиционалистское сознание. «Сноб», декабрь 2014. <https://snob.ru/selected/entry/84749>

Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. (Ред.). Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Современные тенденции в антропологических исследованиях. Антропологический форум, 2014, No. 1, 6–101.

Тихомандрицкая О.А. Ценности и самоотношение на этапе юношеской социализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 2000. <http://nauka-pedagogika.com/viewer/170888/a#?page=20>

30 фактов о современной молодежи. [Совместный проект Сбербанка с исследовательским агентством Validata], 2016. www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

Фурман Д.Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем. М.: Весь мир, 2010.

Шнуренко Т.И. Ценностные ориентации студенческой молодежи как результат межпоколенной преемственности: дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2009.

Шульман Е.М. Практическая политология: пособие по контакту с реальностью. М.: Издательские решения, 2015. <http://coollib.com/b/329651>

Drucker P.F. Post-Capitalist Society. New York, NY: Harper-Collins Publishers, 1995.

Findings and Insights. World Values Survey, 2015, <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1977.

McPherson T. (Ed.). Digital youth, innovation, and the unexpected. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. <https://mitpress.mit.edu/sites/default/files/9780262134958.pdf>

Rudrum D., Stavris N. (Eds.). Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. New York, NY.: Bloomsbury Academic, 2015.

Примечания

[1] Следует отметить, что в анализе сложной реальности гораздо продуктивнее принцип «и то, и это», нежели логика «или/или». Так, Р.Мартин, развивая представления об *интеграционном мышлении*, позволяющем удерживать в конструктивном напряжении две конфликтующие идеи, делает эпиграфом своей книги высказывание Ф.С.Фицджеральда: «Наилучшей проверкой выдающегося разума является способность одновременно держать в уме две противоположные идеи и сохранять при этом способность к функционированию» [Мартин, 2016, с. 12].

[2] «Европейскость» – это способность инициировать определенные культурные возможности, фундированные в национальных сообществах (правда, возможность, чреватая вступлением новообращенной культуры на путь дальнейших культурных революций, отторжением и страхом перед которыми питаются фундаменталистские интуиции и консервативные формы национального самосознания)» [Павлов-Пинус, 2015, с. 146].

Поступила в редакцию 9 апреля 2017 г. Дата публикации: 15 августа 2017 г.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт РАО, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009

Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей.
Психологические исследования, 2017, 10(54), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Идентичность в транзитивном обществе: трансформация ценностей // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 54. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1452-guseltseva54.html>

[К началу страницы >>](#)